

О. А. Бирмилеева

Архивные материалы по истории дореволюционных епархиальных братств: братство святителя Василия, епископа Рязанского

В статье воссоздается история епархиального братства, действовавшего на территории Рязанской и Зарайской епархии с 1877 г. по 1918 г.¹, на основе исследования документов фонда братства свт. Василия, епископа Рязанского, хранящихся в Государственном архиве Рязанской области, включающем 290 единиц хранения и содержащем данные обо всех годах существования братства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: братство свт. Василия, епископа Рязанского, миссионерская деятельность, епископ Палладий (Раев), история братств.

Братство свт. Василия, епископа Рязанского родилось благодаря инициативе епископа Рязанского и Зарайского Палладия (Раева), возглавлявшего до 1876 г. Тамбовскую кафедру. Он уже имел опыт создания подобного братства — Казанско-Богородичного миссионерского, взявшего на себя «всю миссионерскую работу в Тамбовской епархии» [Тамбовская энциклопедия, 427]. Епископ Палладий внес соответствующее предложение на общем собрании рязанского отделения Православного миссионерского общества 27 февраля 1877 г. [Журналы заседаний братства. 1877–1878, 1]. Из журналов заседаний за 1877 г. [Журналы заседаний братства. 1877–1878, 1] следует, что рязанское братство взяло за основу устав Саратовского братства Святого Креста, которое существовало при Спасо-Преображенском монастыре

1. 1916-м годом датируются последние документы фонда, хотя братство, скорее всего, просуществовало еще два года и было закрыто в 1918 г. (см. : [О проведении в жизнь декрета, 13]).

с 1866 г. [Лудовочкина]. По какой причине это было сделано, неизвестно. На церемонию открытия рязанского братства «было разослано 150 приглашений к отцам-настоятелям всех церквей в г. Рязани и ко многим гражданам» [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 4*] с целью привлечения внимания уважаемых и знатных лиц города к участию в создании братства, в том числе и материальном.

Цель деятельности братства, обозначенная в уставе, выражалась следующим образом:

Братство имеет своею задачею удовлетворять духовным нуждам и потребностям православного населения епархии и распространять свет православной веры среди сектантов и раскольников².

За 40 лет существования братства его цель не изменилась, хотя устав трижды редактировался. Почти в каждом отчете братства подчеркивалась необходимость просвещения народа для «утверждения его в духе Православной Церкви, любви к своему отечеству, для ограждения чистоты и правоты Православной Церкви от вредных и губительных плевел раскольнического учения и суеверия» [*Рязанские епархиальные ведомости. 1898, 13, 175*].

Членами братства свт. Василия могли быть лица, «желающие спасения себе и своим ближним»³, только православного вероисповедования, обоих полов, всех сословий, количество членов не фиксировалось. Членство определялось ежегодным внесением не менее трех рублей в кассу братства. Как и в большинстве других братств, были установлены следующие категории членства: почетные, пожизненные, действительные и члены-сотрудники (в зависимости от заслуг перед братством, в том числе от величины внесенного пожертвования). Заведывание делами братства возлагалось на совет, устанавливался порядок проведения общих собраний и собраний совета братства, указывались его права [*Рязанские епархиальные ведомости. 1898, 13, 357–365*]. Однако в уставе не указано, в чем состоит ответственность братчиков, кроме регулярных пожертвований, обязательства приглашать других к пожертвованиям, а формулировка «служить духовно-нравственным интересам братства» подробно не раскрывается⁴.

2. Устав братства свт. Василия 1877 г. [*Рязанские епархиальные ведомости. 1877, 18, 357*].

3. Устав 1877 г. § 5 [*Рязанские епархиальные ведомости. 1877, 18, 357*].

4. Устав 1877 г. § 10 [*Рязанские епархиальные ведомости. 1877, 18, 358*].

При основании братства в 1878 г. его состав был небольшим: 77 человек. Но в 1895 г. он резко увеличился за счет обязательного вхождения в братство всех членов причтов епархии. Таким образом, если прежде священники, причт, церковные старосты, учителя церковно-приходских школ входили в братство по желанию, то после 1895 г. — по распоряжению епископа в обязательном порядке по должности.

В первый состав совета братства наряду со священнослужителями и преподавателями семинарии входили подпоручик И. В. Трескин и директор народных училищ Рязанской губернии М. Н. Кормилицын [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 7*], а также предлагались для избрания преподаватель семинарии И. О. Покровский; советник губернского правления А. П. Румянцев; городской голова И. Н. Голубцов; почетный гражданин А. В. Антонов; купец Е. И. Палагин и др. Постепенно совет братства претерпевал изменения. Если первоначально в его состав входили хотя бы два мирянина, не связанные со службой в церковных учреждениях, а членами братства были лица разных сословий (дворяне, купцы, крестьяне), то в 1895 г. — уже только священнослужители, преподаватели семинарии и епархиального училища.

Из дальнейших отчетов заметна тенденция уменьшения количества мирян в братстве. Так, в отчете за 1913 г. миряне уже не фигурируют, за исключением почетных членов, среди которых рязанский губернатор князь А. Н. Оболенский, князь К. Д. Гагарин, сенатор Н. С. Брянчанинов [*Отчет о состоянии и деятельности*]. О недоверии священников к мирянам свидетельствует письмо группы священников братства вмч. Георгия Победоносца г. Егорьевска Рязанской епархии за 1916 г. В нем выявляется круг деятельности, в котором, по мнению авторов письма, могут участвовать миряне: «религиозно-просветительская деятельность, украшение храмов, поддержание церковного благолепия и благотворительность». Но их ни в коем случае не следует привлекать к активному участию в выборах и заведыванию церковным имуществом, поскольку духовенство боялось попасть «кроме материальной, еще и в моральную зависимость... и вообще стать ненужным» [*Журналы заседаний совета. 1916, 23–24*]. Недоверие к участию мирян в церковной жизни проявилось и в обсуждении приходской реформы в 1916 г., которое происходило в епархии и отразилось в журналах заседаний братства. Дискутируемый проект «Устава православного прихода» вызвал неодно-

значные, по большей части, отрицательные отклики. Священники братства вмч. Георгия Победоносца выразили опасение по поводу участия мирян в жизни прихода: «...вместо спокойного обсуждения с целью улучшить жизнь церковно-приходскую, они могут встать на путь критики и осуждения своих пастырей...» [*Журналы заседаний совета. 1916, 19*], и «...сообразно своим мирским вкусам и личным желаниям еще более подчинить себе и без того зависимое от них духовенство...» [*Журналы заседаний совета. 1916, 20*].

Следует отметить, что имели место и факты недоверия мирян к членам братства. Так, отмечен случай, когда за каждого привлеченного жертвователя член братства г. Егорьевска Кочеров получал по 50 коп. [*Журналы заседаний совета. 1916, 84*]. Этот факт вызвал возмущение председателя братства Зверева, назвавшего его оскорбительным. Он указал, что приглашая вступить в братство, «нужно объяснять задачи и цели братства, высоту их служения церкви и родине» [*Журналы заседаний совета. 1916, 84*].

Устав братства свт. Василия, епископа Рязанского, впервые опубликованный в Рязанских епархиальных ведомостях в мае 1877 г., за сорокалетнюю историю существования изменялся в 1878, 1895 и 1914 гг. Первый раз в 1878 г. эта необходимость возникла из-за § 12, который содержал следующее положение: «Средства братства составляют из половинной части взносов на миссионерское общество, которая имеет отчисляться в пользу братства, по примеру подобных обществ»⁵, поскольку предполагалось, что братство будет действовать при миссионерском комитете рязанского отделения Православного миссионерского общества. Именно из-за этого пункта редакция устава 1877 г. не получила одобрения в Синоде. Митрополит Иннокентий (Московский) не согласился с данным положением [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 9*], поскольку считал, что «охранение целостности православия и заботы о том, чтобы православные не впадали в раскол или ересь вовсе до Миссионерского общества не относятся»⁶, и предложил еп. Палладию пересмотреть устав в этом параграфе.

Из его письма видно, что рязанское братство было не одиноко в своих стремлениях использовать средства Православного миссионерского общества для миссии внутри епархии. С подоб-

5. Устав 1877 г. § 12 [*Рязанские епархиальные ведомости. 1877. 18, 360*].

6. Цит. по: [*Слезкина, 70*].

ным прошением к митрополиту обращались архиепископ Костромской Платон, искавший средства на устройство в его епархии «противораскольнической» миссии, еп. Таврический Гурий, ходатайствовавший перед Святейшим синодом о разрешении использовать часть сумм, принадлежащих Православному миссионерскому обществу, на устройство миссионерского «противосектантского» класса семинарии и другие [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 11*]. Вероятно, еп. Палладий опирался на свой положительный опыт устроения Казанско-Богородичного братства в Тамбове, которое при образовании взяло на себя функции Православного миссионерского общества и пользовалось его средствами. Миссионерское общество пошло на этот шаг, поскольку в Тамбове в то время не было его отделения [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 9*]. Очевидно, епископ задумывал создать и в Рязани братство с таким же финансированием и функциями. После изменения в редакции устава [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 9*], последовавшей за письмом митр. Иннокентия, братство пользовалось только членскими взносами и пожертвованиями, поэтому основной его задачей стал поиск средств для осуществления своих целей.

Второе изменение в редакции устава произошло в 1895 г. в связи с просьбой губернатора об учреждении церковно-приходских попечительств «там, где их еще нет, в виду искоренения профессионального нищенства» [*Журналы заседаний братства. 1895, 38*]. Оно коснулось состава братства и вносимых пожертвований — они теперь становятся «обязательным взносом» всех настоятелей и настоятельниц монастырей, церковных причтов, церковных старост и учителей церковно-приходских школ, которые «состоят обязательными членами братства»⁷. В каждом приходе рекомендовали создать братские кружки. Причты обязывались вносить ежегодно в кассу братства по два рубля со штата⁸, настоятели и настоятельницы монастырей — от 10 до 3 руб., кроме того, взнос от монастыря — от 10 до 6 руб.⁹ К отдельным статьям обязательных денежных пожертвований для причтов и монастырей относились также, кроме членских взносов, отчисления на содержание миссионеров, на поддержание деятельности

7. Устав 1914 г. § 9. Прим. 3 [*Рязанские епархиальные ведомости. 1914, Прил., 4*].

8. Устав 1877 г. § 9. Прим. 2 [*Рязанские епархиальные ведомости. 1877, 18, 358*].

9. Устав 1914 г. § 9. Прим. 3 [*Рязанские епархиальные ведомости. 1914, Прил., 4*].

библиотек, издания «Миссионерского сборника», «Епархиальных ведомостей» и др. [*Журналы заседаний братства. 1904, 127 об.*]. Не все члены братства соглашались с предписанными им пожертвованиями. Так, судя по переписке одного из благочинных с советом братства, он пытался доказать ненужность для домово́й церкви подписки на печатные издания, однако получил отказ в связи с невозможностью отмены решения со ссылкой на журнальное постановление [*Журналы заседаний братства. 1904, 127 об.*]. Отметим, что предложение о включении в состав братства большого количества новых членов с обязательным взносом исходило от еп. Иустина (Полянского). Обязательность членских взносов была зафиксирована в уставе, который был утвержден Св. синодом, поэтому от них нельзя было отказаться. Взносы и пожертвования в кассу братства были закреплены за причтами и благочиниями, соответственно, в ведомостях о недоимках по сбору членских взносов указывалась не фамилия братчика-должника, а название причта или ответственного от какого-либо благочиния [*Рязанские епархиальные ведомости. 1914. 2, 102–104*]. Таким образом взносы и само членство в братстве становились недобровольными, они навязывались причтам, монастырям и лицам, состоящим на определенных должностях.

В 1914 г. устав был изменен при слиянии братства свт. Василия, епископа Рязанского, с епархиальным миссионерским советом, которое произошло из-за того, что миссионерский совет не имел средств, а «братство, родственное по своим задачам, пользуется взносами со всей епархии» [*Журналы заседаний совета. 1910, 8 об.*]. Таким образом, братство, созданное в 1877 г. «как осуществляющее свою деятельность при Миссионерском совете» епархии, спустя почти 40 лет замещает этот совет, включив его в свой состав и приняв все его функции¹⁰, и становится одним из отделов епархиального ведомства.

Согласно п. 20 устава, братством управляли совет и общее собрание его членов. Связь братчиков с советом братства прослеживается через письма и прошения, связанные с работой среди «раскольников и сектантов», а также с просьбами о помощи в разрешении различных вопросов. В них священники рассказывают о проблемах устройства внебогослужебных бесед (например, они не могли их проводить в сезон сельскохозяйственных работ),

10. Устав 1914 г. [*Рязанские епархиальные ведомости. 1914, Прил., 3*].

о предрассудках среди прихожан, о трудностях миссии старообрядцам и членам других религиозных объединений, причисленным к сектантам, и причинах ее безуспешности, и др. Ответы на эти письма содержали короткие рекомендации, как правило, организационного характера.

После увеличения состава братства и установления обязательных членских взносов еп. Иустин внес предложение о создании при каждом приходе братства, которому предлагалось приобрести «икону св. Василия, устроить в каждом приходе библиотеки, установить братские кружки» [*Журналы заседаний совета. 1910, 18*]. С этого момента некоторые церковные сообщества, существовавшие ранее, например, братство свт. Николая Мирликийского в с. Николаевская Тума, созданное в 1892 г. «для дел христианской благотворительности»¹¹, начинают входить в рязанское общепархиальное братство свт. Василия, епископа Рязанского на правах отделения [*Журналы заседаний братства. 1895, 37*]. Появление новых отделений на приходах привело к увеличению отчетности о разных видах деятельности, распределению обязанностей в совете братства, расширению контактов и появлению в совете новых отделов (комитетов): проповеднического, миссионерского, попечительного (для заведования церковно-приходскими попечительствами) и распорядительного. Таким образом расширялся аппарат управления братством. В то же время если сначала, пусть достаточно формальная, но все-таки была связь совета братства с членами братства, братчики могли лично обращаться в совет, то после изменения устава в 1895 г. она стала возможной только через благочинных.

Протоколы братских советов показывают, что все изменения в деятельности братства инициировались правящими архиереями или членами его совета. Так, основатель братства архиеп. Палладий (Раев)¹² предложил открыть при семинарии публичные чтения и собеседования как средство «ослабления раскола, а также образования верующих» [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 16*]. Они стали основой миссионерской работы братства. Подготовка и проведение чтений были поручены ректору Рязанской духовной семинарии прот. В. И. Гаретовскому [*Журналы заседа-*

11. Устав Братства свт. Николая Мирликийского в селе Николаевской Туме, Касимовского уезда, Рязанской губернии [*Рязанские епархиальные ведомости. 1893. 11, 404*].

12. На Рязанской кафедре с 1876 по 1881 г.

ний братства. 1877–1878, 16]. По инициативе другого епископа, Иустина (Полянского), занимавшего Рязанскую кафедру с 1894 по 1896 г., были внесены изменения в устав 1895 г. (увеличение состава братства и обязательность пожертвований), а также устроена типография в целях расширения просветительской деятельности [*Журналы заседаний братства. 1895, 38*]. Устав типографии епископ написал сам и представил к утверждению [*Журналы заседаний братства. 1895, 38*]. Сменивший его на кафедре в 1896 г. еп. Мелетий (Якимов)¹³, большую часть жизни посвятивший просвещению якутов и бурят, выступил с инициативой устройства местных миссионерских съездов («необходим обмен мыслей и общий совет между священниками и миссионерами о способах воздействия на народ») [*Отчет о деятельности совета, 10*]. С 1898 г. такие съезды устраивались ежегодно во всех уездах епархии.

Основным направлением деятельности братства свт. Василия, епископа Рязанского было миссионерско-просветительское против «раскольников и сектантов». Это было связано с тем, что на момент образования братства в Рязанской епархии проживало 11535 неправославных (в том числе старообрядцев). Известно, что в расположенном в районе Егорьевска старообрядческом центре «Гуслица» готовили старообрядческих священников для всей России. В нем обучали церковнославянскому языку и знаменному пению; гуслицкие старообрядцы отличались начитанностью и приверженностью традиции [*Православная энциклопедия*]. Вероятно, в первый период существования братства, когда на кафедре находился еп. Палладий (Раев), к делу миссии планировалось привлекать мирян. Епископ Палладий считал, что ответственность за дело миссии лежит «на самом христианском обществе», а не является «обязанностью исключительно только духовных лиц», «высокое Евангельское дело не может быть для мирян делом совершенно сторонним» [*Миссионерский сборник. 1907, 2, 330*]. Однако, как уже упоминалось выше, осуществить это намерение не удалось.

В первой редакции устава наряду с целью были указаны и средства, с помощью которых она должна была достигаться. Братство планировало собирать сведения о состоянии верующих в епархии (в отчетах упоминаются, кроме старообрядцев и мусульман, хлысты, молокане, баптисты, секта «Новый Израиль»); устраивать внебогослужебные чтения и собеседования со старообрядцами;

13. На Рязанской кафедре с 1896 по 1900 г.

покупать и собирать старопечатные и старописьменные книги, посвященные защите «раскола»; а также устраивать библиотеки (в их каталог включать литературу апологетического, «противораскольнического и противосектантского» характера); усилить проповедническую деятельность. Братство собиралось заняться распространением «книг св. Евангелия и других книг св. Писания на славянском языке в русском переводе» и др. [*Рязанские епархиальные ведомости. 1877. 18, 359*], учредить должности миссионеров — одного на уезд, предоставив им право искать помощников из причта и мирян [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 15–16*]; а также заняться их подготовкой «для борьбы с расколом» [*Рязанские епархиальные ведомости. 1877. 18, 360*].

Отчеты братства показывают, что возвращающихся в православие из «раскола и сект» было не слишком много (так, например, в 1898 г. было присоединено 26 человек [*Рязанские епархиальные ведомости. 1898. 4, 52; 7–8, 88; 9–10, 99; 11, 150; 12, 173; 19, 299; 20, 308; 22, 339; 23, 351*], а в 1916 г. — 32 [*Рязанские епархиальные ведомости. 1916. 1, 6; 2, 25; 3, 75; 4, 125; 5, 162; 6, 202; 9, 292; 10, 364; 11–12, 500; 13–14, 553; 15, 631; 16, 680; 17, 715; 23–24, 810*]). В отчетах приводится подробная информация о жизни старообрядцев, их численности, гендерном составе, возрасте, семейном положении, их влиянии на окружающую среду, об их отношении к священникам и др. Миссия старообрядцам шла с большим трудом. Один из священников так описывает свои встречи с ними:

По предварительной повестке собирал жителей в избранный дом, куда приглашал и раскольников. Они неохотно шли на эти беседы, так что нужно их было упрашивать. Вели себя вольно, шумно, старались сбить меня, закидывая различными вопросами, не дожидаясь ответа на один вопрос, ставили другой, часто по трое вокруг заговорят о различных предметах каждый свое... [*Ведомости о раскольниках, 17*].

Отчеты братства показывают, что в среде священников не было единства во взглядах на отношение к старообрядцам. Некоторые священники отмечали «невозможность насмешек над расколом» [*Журналы и отчеты, 5*], другие предлагали «уничтожить раскольническую синагогу или обратить ее в единоверческую церковь, а раскольников-лжепопов преобразить в мужиков» [*Ведомости о раскольниках, 13*]. В качестве примера поиска методов в миссионерской деятельности можно привести отчеты священ-

ников Молчанова и Победина. Первый предлагает «обязать наставников раскольников являться на собрание в означенное время в указанное место и наказывать их в случае отказа» [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 24*]; второй пишет, что «не нужно раскольников обижать и оскорблять, а, наоборот, нужно пытаться наладить отношения с ними» [*Ведомости о раскольниках, 105*]. Таким образом, единой методики миссии «раскольникам и сектантам» не было. Мало было и тех, кто имел способности к подобным трудам. Документы называют лишь несколько таких братчиков — крестьян Косьму Серавкина (присоединившегося к православию из раскола) и Стефана Филатова [*Отчет о деятельности совета, 1 об.*]; учителя Семенской церковно-приходской школы Тихона Богданова [*Отчет о деятельности совета, 24*]; единоверца крестьянина Бармашева [*Журналы заседаний совета. 1910, 12*] и некоторых других. Скорее всего священники-члены братства или не были способны к борьбе с расколом или не желали этим заниматься.

Миссионерская деятельность считалась основной для братства, но осуществлять ее оказалось непросто, поскольку подготовленных к миссионерству лиц было очень мало. После учреждения братства по предложению епископа началась подготовка к проведению при семинарии публичных чтений, а также «открытия в семинарии преподавания миссионерской науки как отдельного предмета» [*Журналы заседаний братства. 1877–1878, 15–16*]. Спустя несколько лет, в 1886 г. в ответ на предложение кому-то из членов братства принять должность миссионера в одном из рязанских благочиний последовал отказ, поскольку «никто не находит себя довольно опытным в ведении миссионерских бесед» [*Ведомости о раскольниках, 163*]. Миссионеров внутри братства не нашлось. В дальнейшем поиск миссионеров пошел среди окончивших семинарию. Помещалось объявление в «Епархиальных ведомостях», рассылался запрос по благочиниям. Совет братства знакомился с пакетом документов, который представляли претенденты, в том числе с рекомендациями благочинных, отчетами о миссионерской деятельности, конспектами бесед со старообрядцами и т. д., и на основании этого выносил суждение, подходит ли податель прошения на должность миссионера [*Журналы заседаний братства. 1906, 113*]. Обращавшимся за помощью в совет священникам, служившим в «местах, зараженных расколом и сектантством», братство почти ничем не могло помочь. Как правило, им предлагали различную

литературу (книги, брошюры, Троицкие листки) апологетического и просветительского характера, помощь отца-миссионера [Журналы заседаний совета. 1910, 25].

Увеличение состава братства и новые финансовые возможности позволили братству в 1895 г. приобрести собственную типографию, что открыло дополнительные возможности, и просветительская деятельность приобрела иные масштабы. Братство начинает печатать книги, брошюры, листки духовного содержания, в том числе «противораскольнического» характера, и реализовать их по более низким, чем в других типографиях, ценам. В том же году в Рязани открылись четыре книжные лавки [Журналы заседаний братства. 1895, 82], а позднее появились магазин, книжный склад и переплетная мастерская. Книжные лавки для продажи собственной печатной продукции открываются по всей епархии [Журналы заседаний братства. 1895, 34]. Однако это дело было не доходным и трудоемким. В архиве хранится письмо священника о попытке устройства книжной лавки при храме. Для того чтобы братская книжная лавка приносила доход, он был вынужден торговать в ней еще и галантереей, поскольку, как он пишет, «религиозная литература спросом не пользуется» [Отчет о состоянии библиотек, 9]. Интерес покупателей вызывают сочинения Ренана, а не Священное писание¹⁴.

В письмах священников обозначаются проблемы, с которыми они сталкивались в своей деятельности. Прежде всего, это незнание православными своей «православной веры и христианских обязанностей». Священники констатируют, что «в селе можно встретить людей преклонных лет, которые были в храме только тогда, когда их крестили и женили», что жизнь крестьян наполнена суевериями, а «борьба с раскольниками не имеет никакого успеха», это «дело о миссионеров» [Ведомости о раскольниках, 13, 143, 105]. В журналах встречаются факты отказа священников проводить встречи со старообрядцами в силу того, что они «не имеют никакой подготовки к исполнению такой деятельности». Некоторые из них пытались найти поддержку среди прихожан: «мы мало знаем потребности паствы своей, а становясь лицом к лицу с прихожанами, получается лучше сознавать их потребности...» [Ведомости о раскольниках, 64, 72a]. В некоторых письмах содержится просьба освободить

14. Миссионерский сборник. 1907. № 5. С. 412.

от миссионерства лиц, не отличающихся добрым нравственным поведением, в том числе бывших под следствием и судом, подвергшихся наказаниям, так как такие люди вредят делу православия [*Отчет о деятельности совета*, 5 об.]. Во многом миссия старообрядцам оказывалась неэффективной в результате несогласованности между местными священниками, членами причта и приезжающими на собеседования «отцами-миссионерами» [*Ведомости о раскольниках*, 5 об.].

Таким образом, ни многообразие методов просвещения (собеседования, распространение литературы, организация книжных магазинов, раздача бесплатных листовок), ни материальные средства, затраченные братством на внедрение их в жизнь, ни большая организационная работа (миссионерские съезды, курсы) ожидаемых результатов не принесли. Миссионерствовать могли лишь единицы, обращений в православие из «раскола и сект» было очень мало (эти факты печатались для всеобщего обозрения в епархиальных ведомостях); да и сами православные не имели просветительского и нравственного превосходства. Как пишет один из священников Скопинского уезда: «сектанты могли бы быть примером благочестия — усердны в храме, причащаются, скромны, трудолюбивы, опрятны в одежде, помогают людям — по этим причинам миссия против этих людей затруднена»¹⁵. В то же время православные миссионеры, по свидетельству старообрядческих начетчиков, «иногда внушают с кафедры такое “христианское учение”, которое не только не проповедовал Христос, но даже не преподает и сама та церковь, которая их выслала на проповедь...»¹⁶. Конечно, были и неравнодушные священники, пытавшиеся искать подходы к старообрядцам и к православным прихожанам: они устраивали чтения Евангелия во внебогослужбное время, разъясняли основы православной веры, значение праздников, с уважением относились к «отпавшим от православия» и детям старообрядцев в церковно-приходских школах и т. д. Однако это не решало проблему.

Указ 1905 г. о свободе вероисповедания обострил миссионерский вопрос. Некоторые члены братства полагали, что миссия может быть эффективной лишь при поддержке «государственных структур» [*Журналы заседаний братства. 1877–1878*, 25]. Так, когда в одном из сел Рязанской губернии появилась новая секта, уездный миссионер обратился за помощью в полицию, решив,

15. Миссионерский сборник. 1905. № 1. С. 330.

16. Миссионерский сборник. 1907. № 2. С. 148.

что «дознание должны проводить лица более полномочные, чем он»¹⁷. С принятием Закона о свободе совести приходилось отказываться от прежних полицейских мер в деле миссии, а это не нравилось многим православным. Изменившаяся ситуация в этой сфере, а также нараставшие революционные волнения требовали осмысления. В архиве сохранился протокол обсуждения доклада миссионера Круглова из Нижегородской епархии, который призывал высказать несогласие с новой политикой присоединения старообрядцев к Православной церкви. Совет братства не понимал, как развивать миссионерскую деятельность среди старообрядцев в новых условиях, и поддержал мнение епархиального миссионера Строева, выразившего надежду, что «Церковь выработает соборно единое мнение, единый взгляд на данную проблему на Всероссийском Церковном Соборе» [*Журналы заседаний братства. 1906, 21*].

В «Миссионерском сборнике» за 1907 г. опубликована речь архим. Андрея (фамилия не установлена) на общем собрании филиала братства в Егорьевске. Он констатирует факт, что «духовенство оказалось неподготовленным к настоящим событиям», и предлагает «бороться с безрелигиозностью общества и нарождающимся социализмом». Для этого, по мнению архим. Андрея, необходимо «деятельное и умелое проведение в жизнь христианских идеалов, Христова учения о чистой и нелицемерной любви людей между собою». Только при этом условии возможно братское объединение, «о котором люди теперь так вздыхают и к которому так стремятся»¹⁸. Таким образом Манифест об укреплении начал веротерпимости помог членам братства осознать, что необходимо искать новые методы миссионерской деятельности «против неверия»¹⁹ и менять отношения с «раскольниками и сектантами» как с людьми, имеющими право на выбор вероисповедания²⁰. В то же время братство так и не смогло сориентироваться в новой ситуации и ограничилось постановлением: продолжать указывать в журналах «поименно лиц, подозреваемых в отпадении от православия, но с оговоркой “конфиденциально”» [*Отчет о деятельности сове-*

17. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 120. Л. 50.

18. Миссионерский сборник. 1907. № 1. С. 87.

19. Миссионерский сборник. 1907. № 1. С. 84.

20. Именной высочайший указ, данный сенату «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля

1905 г. // Полное собрание законов Российской империи : Собр. 3-е. Т. XXV : 1905. СПб., 1908. С. 237–238.

та, 4] и рекомендовать очень аккуратно и только на исповеди «...лицам, подозреваемым в сектантстве... задавать только один вопрос: проклинает ли он хлыстовскую ересь?» [*Журналы заседаний братства. 1906, 76 об.*].

В эти годы деятельность братства отражается в журналах заседаний и публикациях в «Епархиальных ведомостях» и в «Миссионерском сборнике», изданием которых занималось братство свт. Василия, епископа Рязанского. Главным редактором «Миссионерского сборника» в течение многих лет был член совета братства, преподаватель Рязанской семинарии Николай Иванович Остроумов. В журнале пишется об изменении миссионерской ситуации в Рязанской епархии и других районах страны, причем приводятся свидетельства как приветствующие закон 1905 г., так и констатирующие неутешительные факты его непринятия. Благодаря актуальным публикациям возрастает тираж журнала — с 1200 до 2000 экземпляров [*Журналы заседаний совета. 1910, 14*].

Среди заметных публикаций, приветствующих закон 1905 г., статьи московского священника И. Полянского и известного миссионера из Санкт-Петербурга Н. Боголюбова. Полянский радуется освобождению «священников от несоответствующей духовному сану обязанности — доносить властям»²¹. Боголюбов выражает надежду на то, что «миссионерское дело постановкою указа 1905 г. возводится на чисто евангельскую основу». Автор призывает пастырей:

Мы должны духовно мобилизовать православных христиан, обязаны разбудить, просветить, нравственно очистить, укрепить, ободрить...²².

В ряде публикаций выражается тревога в связи с фактами потери веры, выявившимися в ситуации революции 1905 г. Так, в одном из номеров миссионер свидетельствует о том, что

...В некоторых селах осталось лишь несколько душ православных, вместо прежних тысяч. В тех же семьях, где было совращение не всех членов, появилось настоящее мученичество первых веков христианства²³.

21. Миссионерский сборник. 1905. № 3. С. 175.

22. Миссионерский сборник. 1907. № 6. С. 501–502.

23. Миссионерский сборник. 1907. № 6. С. 489.

В статьях и комментариях, опубликованных в «Миссионерском сборнике», выражалась обеспокоенность влиянием пропаганды антихристианских идей на верующих. В одном из докладов окружного миссионера совету братства приводится подробная характеристика людей в селе, которые вернулись из ссылки за подстрекательство в грабежах и пропаганду антигосударственных идей: «до высылки они были просто воры, после ссылки — доказывают, что “христианство — выдумка попов...”»²⁴, а также свидетельство, что «неверие стало повсеместным явлением, даже в глухих деревнях»²⁵. В этих публикациях звучит тревога духовенства. Священники обращали внимание прежде всего на кризис веры среди православных прихожан. Так, если в начале выхода в свет журнала в 1890 г. публикации были посвящены только миссии против «раскольников и сектантов», то после 1905 г. добавляется необходимость оживления «оскудевающей веры в сердцах людей — веры Христовой»²⁶. В то же время оскудение веры, по свидетельству миссионеров, наблюдалось и в среде старообрядцев. Например, один из рязанских миссионеров сообщает, что ему пришлось свидетельствовать старообрядческой молодежи не столько о последствиях «раскола», сколько о «Божественности Иисуса Христа и подлинности Евангелия»²⁷.

Несмотря на становившуюся все более очевидной ситуацию упадка прихода и кризиса веры в православной среде члены братства продолжали заниматься миссией среди старообрядцев, не реагируя на вызовы времени. В местах, где проживало много старообрядцев (а именно такие приходы поддерживало братство, как наиболее опасные в миссионерском отношении), совет рассчитывал на помощь учителей братских церковно-приходских школ. Им назначалось дополнительное вознаграждение за ведение частных бесед со старообрядцами, за поддержку местных миссионеров, участие в публичных диспутах [*Отчет о деятельности совета, 6–6 об.*], за проведение особых уроков по «расколу». Особая материальная помощь выделялась единоверческим приходам, их священникам и причту. Для того чтобы получить такое вознаграждение, достаточно было прислать в совет братства конспект проведенного урока, заверенный о. миссионером или о. благочинным.

24. Миссионерский сборник. 1907. № 2. С. 310.

25. Миссионерский сборник. 1907. № 2. С. 253.

26. Миссионерский сборник. 1911. № 12.

Титул. Об.

27. Миссионерский сборник. 1907. № 5. С. 406.

С 1898 г. братство устраивало и финансировало миссионерские съезды, курсы, введенные «для обсуждения дел миссионерских и составления расписания бесед с раскольниками и сектантами» [*Отчет о деятельности совета, 10*]. После 1905 г. меняются вопросы, поднимаемые на этих съездах: обсуждались изменение миссионерской ситуации со старообрядцами и возможность проведения миссии среди них. Вызывала тревогу набирающая силу проповедь протестантов и повсеместное неверие. Участники съездов искали новые возможности для развития миссии. Акцент делался на продолжение устройства миссионерских съездов и курсов; на обращение к опыту западной церкви, в том числе на проведение богослужения для детей, организацию христианских союзов молодых людей; на создание библиотек, религиозных кружков и собиране вокруг них «умственных центров»²⁸. Приводились положительные примеры работы с прихожанами, в частности, рассказывалось о деятельности священника «в противовес баптистам, собирающего молодежь и занимающегося с ними»; обсуждалось прошение прот. Петра Петрова о разрешении открыть в г. Раненбурге общество ревнителей религиозно-нравственного просвещения [*Журналы заседаний совета. 1916, 66, 60*]. Таким образом, на миссионерских съездах начали поднимать вопросы «с небывалою доселе настойчивостью, вскрывая коренные недостатки в современном строе церковной жизни и повелительно требуя церковных реформ» [*Журналы заседаний братства. 1906, 74*].

Члены рязанского братства принимали активное участие в миссионерских съездах других епархий. Один из делегатов Нижегородского миссионерского съезда Н. И. Остроумов написал в журнал подробный отчет о своем участии²⁹. Делегаты на съезде обратили особенное внимание на изменившиеся условия миссии после 1905 г., на призыв московских миссионеров к созданию всероссийского братства миссионеров. Съезд признал, что «для миссии вероисповедная свобода желательна»³⁰. В одном из номеров журнала опубликован проект устава вышеупомянутого всероссийского братства миссионеров, предложенный на съезде прот. И. Восторговым, который Остроумов оценил как возмож-

28. Миссионерский сборник. 1907. № 2. С. 255.

29. Миссионерский сборник. 1907. № 6. С. 488.

30. Миссионерский сборник. 1907. № 6. С. 487.

ный путь объединения усилий миссионеров «для защиты Церкви Христовой»³¹.

В 1914 г. события Первой мировой войны поставили членов братства перед новыми проблемами. В архиве сохранилось письмо, в котором священник просит прислать в госпиталь для раненых книги духовного содержания, так как выздоравливающие весь досуг «проводят в карточной игре или в пустых разговорах» [*Отчет о состоянии библиотек*, 6]. В связи с военными действиями в страну хлынули толпы беженцев с западной окраины России. Среди них были католики и униаты. В Рязанской епархии возникла угроза их влияния на православных. Братство обозначило эти акценты в миссии, но смогло отреагировать на новые вызовы лишь закупкой книг о вере униатов и католиков [*Отчет о состоянии библиотек*, 12].

Таким образом, братство не смогло перестроиться и найти новые формы и методы миссии в условиях, возникших после указа 1905 г. Не сумев ответить на вызовы времени — кризис прихода, упадок веры, необходимость выстраивать новые, не полицейские, отношения со старообрядцами и сектантами, — братство оказалось бессильным в деле оживления церковно-приходской жизни и «оскудевающей веры»³².

Источники

1. *Ведомости о раскольниках* = Ведомости о раскольниках и сектантах, сведения о проведенных собеседованиях священниками по церквям Рязанской епархии за 1886 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 7.
2. *Журналы заседаний братства. 1877–1878* = Журналы заседаний братства за 1877–1878 гг. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 1.
3. *Журналы заседаний братства. 1895* = Журналы заседаний братства за 1895 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 31.
4. *Журналы заседаний братства. 1904* = Журналы заседаний братства за 1904 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 88.
5. *Журналы заседаний братства. 1905* = Журналы заседаний братства за 1905 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 91.
6. *Журналы заседаний братства. 1906* = Журналы заседаний братства за 1906 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 94.

31. Миссионерский сборник. 1907. № 6. С. 486.

32. Миссионерский сборник. 1911. № 12.

7. *Журналы заседаний совета. 1910* = Журналы заседаний совета братства за 1910 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 108.
8. *Журналы заседаний совета. 1916* = Журналы заседаний совета братства за 1916 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 130а.
9. *Журналы и отчеты* = Журналы и отчеты о работе съезда миссионеров Егорьевского уезда за 1900 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 63.
10. *Миссионерский сборник* = Миссионерский сборник : Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. 1891–1918.
11. *О проведении в жизнь декрета* = О проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства. ГАРО. Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 108.
12. *Отчет о деятельности совета* = Отчет о деятельности совета братства за 1906 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 95.
13. *Отчет о состоянии библиотек* = Отчет о состоянии библиотек и книжных магазинов совета братства за 1916 г. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 128.
14. *Отчет о состоянии и деятельности* = Отчет о состоянии и деятельности Братства св. Василия, Епископа Рязанского. Рязань, 1913.
15. *Рязанские епархиальные ведомости* = Рязанские епархиальные ведомости. Рязань : 1865–1917.

Литература

1. *Православная энциклопедия* = Гуслица // Православная энциклопедия. Т. 13. М. : Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная Энциклопедия», 2006. С. 503–509.
2. *Пудовочкина* = Пудовочкина О. Братство Святого Креста и миссионерские организации Саратовской Епархии XIX — начала XX века // Православие и современность. 2007. № 5. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Articles/bratstvo-svyatogo-kresta-i-missionerskie-organizacii-saratovskojj-eparhii> (дата обращения: 21.07.2017).
3. *Слезкина* = Слезкина О. В. Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.) // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. 2012. Вып. 5. С. 66–94.
4. *Тамбовская энциклопедия* = Тамбовская энциклопедия. Тамбов : Юлис, 2004. 708 с.

Список сокращений

ГАРО Государственный архив Рязанской области

O. A. Birmileyeva

Archival Records on the History of Pre-Revolutionary Diocesan Brotherhoods: the Brotherhood of St. Basil, Bishop of Ryazan

The article reconstructs the history of the diocesan brotherhood existed from 1877 to 1918 in the territory of the Ryazan and Zaraysk diocese. The author bases her study on the documents kept by the Foundation of the Brotherhood of St. Basil, Bishop of Ryazan. The records, numbering 290 and covering all the years of the brotherhood's existence, are stored at the State Archive of the Ryazan region.

KEYWORDS: Brotherhood of St. Basil's, Bishop of Ryazan, missionary work, Bishop Palladius (Rayev), history of brotherhoods.